

Пролог

Юлия

Юлия вышла на балкон, хотя под этим балконном никто ее не ждал. Не нашлось Ромео для нашей Джульетты. А ведь когда-то он существовал и даже некоторое время был ее мужем, но после того, как нашел ей замену в лице своей собственной секретарши (ах, если бы только в лице), быть им перестал.

Она взглянула на часы. Пятнадцать ноль одна. А это значит, что с этой минуты вступило в силу решение суда о ее разводе.

Наконец-то можно свободно вздохнуть.

Она глубоко втянула в себя «свежий варшавский воздух» и подумала, что сигарета не самое большое зло. Вообще-то она не курила, но решила, что в такой день, как сегодня, она просто обязана сделать что-то безумное. Ванильная сигаретка не была самым экстравагантным поступком, на какой была способна Юлия, но о более солидных дозах безумия, думала она, наверняка позаботятся ее подруги, встреча с которыми была назначена на вечер.

Теперь Юлии хотелось просто постоять на балконе, подержать во рту сладкий фильтр и насладиться ароматом ванили, пусть даже и в виде дыма. Наверное, ей важно было показать, что она уже большая девочка и может делать все что хочет. Девочка? Какая девочка? Женщина. Взрослая женщина, которая, наконец, избавилась от балласта в виде мужа с приставшей к нему, как репейник, любовницей... И даже не слишком заставляясь, она наконец-то могла выдохнуть — во всех смыслах.

И она шумно выдохнула. Легкое облачко растаяло в мгновение ока. Так же легко, как исчезла ее прошлая жизнь. Улетела куда-то далеко.

Все нормально. Скоро отпуск. Главное — подальше от столичной суеты. И от неприятных ассоциаций.

Хорошо, что хоть квартиру ей оставил. Две комнаты, маленькая кухонька и совсем крохотная ванная. Зато в центре. До всего близко. Ей нравилось здесь: и вид из окна, и запах кофе из кафе внизу. Расстаться со всем этим ей было бы, наверное, сложнее, чем со своим мужем, Каролем.

Ядвига

Ядвига уже разменяла полтинник. А если кто любит точность, как любит ее она (учитель математики все-таки), то ей было пятьдесят три. А вернее, стало сегодня. И именно в ее день рождения муж вернулся домой, поужинал и, как всегда, развалился перед теле-

визором. Ядвига, ненавидевшая свое имя точно так же, как и свою скучную жизнь, убрала посуду со стола, смахнула крошки со скатерти, перевернула на другую сторону антрекот, который жарила к завтрашнему ужину, а когда все это сделала — устроилась в кресле.

Ей нравилось это кресло. Да, старое, зато большое, уютное, приятного кремового цвета; она сдавала его в чистку раз в год. Мужу, Роману, оно категорически не нравилось, стеснялся его, что ли, уговаривал Ядвигу заменить его другим — стильным, кожаным, но безрезультатно. И обосновывал это тем, что оно «неправильное»: стоит в него сесть, как сразу отпадает любая охота что-либо делать. Рядом с креслом стоял покрытый вязаной салфеткой низенький резной столик с причудливо изогнутыми ножками. Над столиком парил абажур старинного торшера, чей свет помогал разглядеть буквы в книгах, становившиеся с каждым годом все мельче и мельче. А еще чтению помогал кофе с большим количеством молока и сладости. Может, оно и вредно в таком возрасте, да еще на ночь, но... Она располагалась в кресле, и к ней тут же прибегала серая кошечка, садилась на колени и громко урчала. Ядвига гладила ее и раскрывала книгу. И тогда этот маленький уголок большой квартиры становился ее миром. Здесь она путешествовала по дальним странам, пускалась в любовные приключения, заводила знакомства и там же наслаждалась сексом. Нет, нет, ничего такого, просто она читала книги, а когда читала «про это», ее лицо заливалось краской, а дыхание становилось частым и прерывистым.

Если бы Ядвигу Малишевскую спросили, что за книги она читает, она ни за что бы не призналась. Потому что читала она в основном про любовь. Ну а где любовь, там и секс. Жаль, что только в книгах, а не в жизни. Во всяком случае, именно так считала она.

Книги она брала в ближайшей библиотеке, но не первые попавшиеся, не случайные, а всегда предварительно проверяла, как там все заканчивается. Если герои жили долго и счастливо — брала книгу и после завершения всех дел по дому (потому что она была, что называется, идеальной хозяйкой) переселялась в мир фантазий. Вместе с героями она проживала сказочную жизнь, полную мечтаний, грез, радости и любви... Вот эта жизнь и стала ее главной жизнью.

В тот самый день, о котором идет речь, Ядвига по обыкновению села в свое любимое кресло с книгой, но ее расчет был не только на хорошее чтение... Время от времени она поднимала глаза и смотрела поверх очков на мужа — сидящего мужчину с уже наметившимся животиком, но все еще довольно интересного. Он сидел перед телевизором с пультом в руке и, казалось, засыпал. Ей было любопытно, когда же он, наконец, вспомнит о ее дне рождения и вручит ей подарок. В глубине души она ликовала: столько лет прожила с человеком, но никак не ожидала от него такой заботы. А то, что он уже купил подарок, ей было известно точно, правда, узнала она об этом совершенно случайно...

Ровно неделю назад муж возился в гараже, а телефон, с которым он обычно не расставался, оставил дома.

И надо же такому случиться, что телефон не на шутку раззвонился. Раз залился трелью, второй, третий, и всё с одного номера. Ядвига не имела привычки брать чужие телефоны и уж тем более отвечать на звонки мужа, но как знать, может, что-то случилось, может быть, ему нужна срочная помощь? И действительно, как потом выяснилось, помощь была нужна... причем срочная...

С некоторой нерешительностью она нажала зеленую кнопку с трубкой.

— Ядвига Малишевская, слушаю вас, — прошептала она.

— Здравствуйте, пани Малишевская, я хотела бы поговорить с паном Романом Малишевским. — Женский голос был слегка взволнован.

— Мужа нет, но, может, я могу что-нибудь передать? Что-то важное?

— Ну, в общем, да, хотя как сказать... — неуверенно начала собеседница. — Понимаете, пан Малишевский заказал серьги, артикул четыреста шестьдесят два, с рубином, но, к сожалению, нас подвели с поставкой. Только вы не беспокойтесь: мы можем предложить замену на выгодных для вас условиях. Скажем, изумруд или сапфир? Пану Малишевскому было важно, чтобы заказ был готов к будущему вторнику. Если вы согласитесь, то мы успеваем.

— Ко вторнику? — улыбнулась Ядвига. Как раз во вторник был ее день рождения. — Если ко вторнику... тогда вполне может быть сапфир... — предложила она робко. — Ну да, конечно, сапфир, — уверенно заключила она.

Не ожидала она этого от мужа. Почти тридцать лет брака, Аня уже взрослая, только что выпорхнула из родного гнезда, а он делает немолодой жене такие подарки. Хотя, с другой стороны, все очень даже логично: когда они были молодыми, а дочка маленькой — денег хватало только от зарплаты до зарплаты и было не до подарков. В последнее время он много работал, целыми вечерами пропадал на фирме, возвращался поздно, когда она уже спала. И эти его вечные командировки. А что? Хочешь, чтобы были деньги на рубины, надо работать. Такова жизнь. Она все понимала и не протестовала.

Хотя рубинами он, честно говоря, ее удивил. Она никогда не носила ничего красного... В общем, даже хорошо, что рубинов не оказалось. К ее голубым глазам больше подходили сапфиры. Ну да ладно, как говорится, все, что ни делается, — к лучшему...

В праздничный для нее вторник Ядвига надела одно из самых нарядных своих платьев — светло-голубое, прекрасно сочетающееся с будущими серьгами. А муж ничего не заметил, просто дремал на диване. Она встала с кресла и прикрыла мужа пледом: с возрастом у него появились проблемы с кровообращением, мерзли ноги. Прикрыть-то прикрыла, но в принципе пора бы ему уже и проснуться!

Она села рядом с ним.

— Милый, может, чаю? — спросила она. — У меня есть чизкейк...

— Мхм-хм, — проворчал он. — Нет, нет, да и спать пора. — Зевнул. — У нас завтра комиссия, понимаешь, я должен с утра быть на работе.

— Но... я чизкейк испекла... Твой любимый.

— Да? В честь чего бы это? — спросил он, взял у Ядвиги тарелку и с аппетитом накинулся на кулинарный шедевр.

Она посмотрела на него с удивлением:

— Как это в честь чего? У меня сегодня день рождения...

— О черт, я и забыл! — Схватился за голову. — С днем рождения! — И чмокнул жену в щечку. — Виноват, твой должник, но вину искуплю, вот только немного поднажму на работе. У меня даже не было времени подумать о подарке, знаешь, столько работы... — оправдывался он.

Ядвига застыла с куском пирога в руке. Ну конспиратор! Нет, это ж надо столько лет прожить с человеком и только сейчас отметить у него наличие артистического таланта! Вслед за великим Станиславским ей хотелось крикнуть: «Верю-ю-ю!», потому что верила: все это заранее заготовленная шутка. Она улыбнулась и, потупив взор, тихо спросила:

— А серьги... с сапфирами?

— Серьги?

— Ну да, серьги... Звонили из салона, сказали, что рубинов нет, спросили, можно ли рубины заменить сапфирами... Я сказала, что можно... Ты не рад?

— А-а-а... Сапфи-и-иры... А-а-а... — попытался он сориентироваться в ситуации. — Ну да, собирался сделать сюрприз, но у них там произошла ошибка, да, ошибка...

*

Как известно, у каждой ошибки есть имя. Эту ошибку звали Эльжбета. О ее существовании Ядвига пока не знала, хотя, как и любая умная женщина, начала от чем-то догадываться. Тем временем ошибка смотрелась в зеркало в ванной комнате в квартире двумя этажами выше и оценивала, как выглядят на ней сапфировые серьги. Цвет явно не ее. Ошибка нахмурилась. Решительно не ее. Ну да ладно. Как говорится, дареному коню в зубы не смотрят. Сапфиры так сапфиры...

Миська

Михалина как раз заканчивала недавно начатое. Так вот, она заканчивала своему Мишане «делать хорошо», потому что именно «это» (так, по крайней мере, ей казалось) он ценил больше всего.

Мишка застонал, а Михалина вытерла рот салфеткой, поднялась с колен и крепко прижалась к нему.

— Тебе хорошо было, Мишаня? — спросила она сладко, нежно водя по его животу длинным накладным ногтем.

В Михалине было много искусственного. Накладные ногти (понадобилось какое-то время, пока она научилась тюкать по клавиатуре их кончиками), накладные ресницы, перманентный макияж, наращенные локоны, делавшие прическу пышной. Вот только грудь пока ждала своего тюнинга, потому что Мишка еще не определился относительно формы и размера. Но в принципе,

все уже было на мази. Губы были почти настоящими, она сделала всего несколько уколов, чтобы немного подчеркнуть их, но не была удовлетворена этим. То есть было над чем еще работать. Не страшно, для Мишани она на многое смогла бы пойти.

— Ну, Мишаня! — повторила она. — Как тебе было? — Прильнула к нему.

— Миська... — Он отстранил ее от себя. — Блин, ну без обид... Ты повнимательнее присмотришься, как она это делает. — Он взял пульт и прокрутил кадр за кадром.

Михалина сидела на диване рядом со своим мужчиной и пристально смотрела на экран, всю ширину которого занимали мужские гениталии и рот женщины, охватывавший их.

— Ну, видишь, дорогая? — Мишка потрепал Михалину по щечке. — Нет предела совершенству, век живи — век учишься, — и загоготал.

Михалина кивнула и уже хотела было снова встать на колени перед ним, но Мишка остановил ее.

— Хорош, дай малышу немного отдохнуть, — сказал он. — Есть у нас что-нибудь холодненькое выпить?

Михалина послушно встала. Если бы не эта ее искусственность, она была бы шикарной девушкой. Даже не женщиной, потому что ее девятнадцатилетнее тело было совсем еще девичьим.

Миська пошла к холодильнику, достала пиво и вернулась с бутылкой в комнату. Мишка уже храпел.

Она села на пол по-турецки, взяла пульт. Перемотала фильм к началу, отпила холодного пива, поморщилась.

Еще глоток. Допила до половины и снова прокрутила кассету до начала.

Она сделает все, чтобы ее мужчина был доволен. Потому что она любит его...

Марта

Марта села в глубокое кресло, закрыла на мгновение глаза, улыбнулась, потянулась к лежавшей на столике шоколадке, отломилла два квадратика (главное — не переусердствовать, чтобы из-за избытка практиш-квадратиш не стать круглиш-идиотиш), съела и, несмотря на поздний час, выпила кофе. Дети уже спали, и она могла перевести дух.

Отломилла еще один квадратик и взяла в руки спицы. На этот раз шапка для Франека. Ленка уже хвасталась своей новой розовой с кисточкой, Франек ни в чем не должен был уступать сестре.

Зазвонил телефон. Рукоделие пришлось отложить, но другая рука-то свободная, так что еще один шоколадный ломтик. Звонила тетя Эвелина:

— Дорогая, все улажено. Увидимся в начале августа! Очень, очень рада! Я договорилась, мама заберет детей к себе.

Марта вздохнула и потянулась за очередной порцией шоколада... А шоколада больше не было.

*

— А на прощанье он наговорил мне столько гадостей, и главное — хоть бы на грош правды. Что наши отпус-

ка, дескать, всегда были отстойными, потому что меня тянуло к достопримечательностям, а его на пляж, на природу... — Юлия допивала очередной бокал мартини со льдом. Наверное, пятый. — А знаете что? Мне иногда кажется, что если бы он мог, то точно как какая-нибудь кинозвезда крикнул бы мне вдогонку, что все его оргазмы — притворство. И большинство моих тоже.

Иолька разразилась громким смехом.

— А что я такого смешного сказала? — Юлия пожала плечами. Иолька все хохотала и никак не могла успокоиться.

Они сидели в прокуренной кафешке, прислушиваясь к мелодичному голосу певицы, аккомпанировавшей себе на синтезаторе, и пытались утешить Юлию, что на одном мужике жизнь не кончается и что все только к лучшему, потому что он бросил ее, когда ей двадцать семь, а не семьдесят два. Хотя Иолька убеждала их, что чувствует себя именно что на семьдесят два. Как женщина, которой уже ничего в этой жизни не светит.

Иолька, Алиция, Магда и Юлия. Вот уже много лет они неразлучны. Все такие разные, даже приятные — каждая по-своему, но вместе они составляли взрывоопасную смесь.

Иольке было за пятьдесят. По паспорту, телом. А духом она была моложе их всех. И, пожалуй, самая раскрепощенная. Блондинка с сияющей улыбкой и такой сексапильностью, что ей завидовали все. Магда — юрист-консульт в одной из варшавских корпораций. Собранный, она взвешивала каждое слово и всегда помнила

о том, что когда ты выходишь из машины, а на тебе мини, то ноги надо держать вместе. Алиция — мать троих детей, в сумке которой самые разные вещи, от дежурных на всякий пожарный случай подгузников и машинок-трансформеров до странных устройств для откачивания детских соплей.

Была, конечно, и Юлия. «Свежеразведенная», если можно так сказать. Тока-тока. Конкретно: пять часов двадцать семь минут после оглашения решения суда.

— Не знаю, что вас так позабавило, — серьезно сказала Юлия.

Магда продолжала смеяться, прикрывая рот платком. Алиция не расслышала, потому что писала мужу эсмэску, чтобы он не разводил молочную смесь для малышки, а взял уже готовую из морозильника. Но чтоб разогрел. Обязательно. Только не в микроволновке.

— А что я такого смешного сказала? — Юлия пожалала плечами.

Иолька все хохотала и никак не могла успокоиться.

К столику подошел молодой человек с бокалом:

— Весело тут у вас. Можно присесть? Вижу, местечко есть свободное... Конрад меня зовут.

— Нет, нельзя, — отрезала Юлия.

— Можно-можно, — сказала Иолька и, озаряя всех своей улыбкой, подвинулась, освободив место рядом с Юлией. — Я — Иоля.

— Магда. — Пани адвокат профессионально, по-адвокатски, подала руку Конраду.

Алиция помахала свободной от телефона рукой.

— Я — Юлия, — поморщилась Юлька. — Никаких мужчин. — Она вздохнула. — До могилы. Вместо мужчин я должна найти себе какое-нибудь другое хобби. Алкоголь или женщины...

— О, звучит заманчиво, — сказала Иолька. — Но покамест давай остановимся на выпивке. Ну так как, девочки, накатим?

— А что еще остается нам делать?

— Значит, на всех? — уточнил Конрад.

— Я пас, — тяжело вздохнула Алиция. — Я сегодня за рулем. Кроме того, мой дорогой, я кормящая мама. Постоянно кормлю. Утром, ночью, в течение дня. Кормлю. — И выразительным движением, известным, пожалуй, только женщинам, которые кормили, она охватила свою левую грудь.

— Примите заказ, — крикнул Конрад официантке, молоденькой блондинке. — Для пани сок, а для остальных повторить то, что было! Мне джин-тоник... А что тебе мужчины такого плохого сделали? — обратился он к Юлии. Но отвечать стала Иолька:

— Удружили, дорогой мой, так удружили, что... Муж развелся с ней, предварительно изменив с секретаршей у себя на фирме. Очень тривиально и очень некрасиво. Кроме того, понимаешь, имитировал оргазмы. Все до одного.

Хотя в жилах Юлии уже текло только мартини, в голове она сохраняла остатки приличия, к которому призвала подругу:

— Иолька!

— А может, я чего перепутала? — Иолька недоуменно вздымала плечи. — Может, это она все оргазмы имити-

рвала? Короче, это вообще что за мужик, с которым женщина должна притворяться, ну, скажи, права я?

— Не, ну честно, ведь с ним на самом деле было что-то не так, — со вздохом выдала Юлия.

— Охотно верю. — Конрад улыбнулся, все больше увлекаясь новой компанией.

— Это вечеринка в честь развода Юлии, — сказала Иолька. — Надо поддержать девушку, а то сидела бы она дома и обливалась горячими слезами над своей печальной судьбой.

— А что, судьба такая печальная? — спросил Конрад. — Что-то не заметно.

— А ты кто, психолог, что ли? — Юлия пожалала плечами. — Может, и хорошо, что все кончилось, как кончилось. Другая, дорогой ты мой, оказалась лучше. Что ж, бывает. Этому нельзя научиться, разве что у Мастертонна.

— Это который по части триллеров?

— Ну-у. И еще он же «Магия секса». — Иоля выразительно нахмурила лоб. — Почитай на досуге, если испытываешь недостаток информации.

— Лично я предпочитаю постигать все на практике, — улыбнулся Конрад.

— Все предпочитают. — Иолька кивнула в сторону Магды, отплясывавшей на танцполе в жарких объятиях какого-то мужика. — Даже наша недотрога.

— Не думаю, что это относится ко мне, — вздохнула Алиция. — У меня одна мечта — выспаться. К тому же детей у меня уже достаточно, и почему-то секс у меня ассоциируется с плачущими младенцами девять месяцев спустя...

— В гробу отосплюсь, — заявила Иолька. — А пока что надо пользоваться жизнью. — Она поправила лифчик, легким элегантным движением руки вытолкнула свою большую грудь вверх и, покачивая бедрами, уверенно вышла на середину танцпола.

Алиция продолжала посылать эсэмэски, кляня под нос мужа. Его знания о младенцах, несмотря на то что это был уже третий его отпрыск, по-прежнему оставались мизерными.

Конрад разговаривал с Юлией, которая, честно говоря, не слишком увлекалась новыми знакомствами с мужчинами, когда к столику подошли хостес.

— Добрый вечер, не желаете принять участие в лотерее визиток? Главный приз — оригинальные курсы для женщин в роскошном спа-центре.

— Я не ослышалась? Вы сказали спа? Тогда с удовольствием. — Юлия протянула визитку. — Берите, не жалко, больше не пригодится. «Юлия Михальская». Последняя, с фамилией по мужу... — сказала она и бросила визитку в стеклянную чашу.

— А для мужчин у вас ничего нет? — спросил Конрад.

— К сожалению, — улыбнулась хостес. — Сегодня только женщины.

— И это называется равноправие... — вздохнул Конрад.

— Кстати, о равноправии: я отчаливаю. — Алиция, не выпуская телефон из рук, встала с кресла. — Дома армагеддон — муж поставил молоко в микроволновку,